

О НОРМАХ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Е.М. Хакимова

NORMS IN PHRASEOLOGY

E.M. Khakimova

Статья посвящена изучению норм, регламентирующих функционирование русского фразеологического фонда. Их специфика обусловлена следующими факторами: 1) формальным, структурным, семантическим разнообразием устойчивых сочетаний; 2) соотносённостью с различными ортологическими типами; 3) особенностями взаимодействия фразеологии с системой языка; 4) спецификой вариантности фразеологических единиц. Особое внимание автор уделяет случаям расхождения кодифицированных фразеологических вариантов с узусом.

Ключевые слова: языковая норма, фразеология, фразеологическая вариантность, фразеологическая синонимия, фразеологическая деривация, трансформация, кодификация, узус.

The norms of phraseology are under consideration in this article. This sphere is influenced by a formal, structural, semantic variety of set expressions; correlation with various orthological types; interaction of phraseology with the system of language; peculiar variants of phraseological units. Special attention is paid to the examples of the discrepancy between codified phraseological variants and language usage.

Keywords: language norm, phraseology, phraseological variation, phraseological synonymy, phraseological derivation, transformation, codification, language usage.

Проблема соотношения языковой нормы и фразеологических единиц языка продолжает оставаться одной из самых сложных и дискуссионных в современном языкознании. Цель нашей статьи состоит в изучении специфики ортологических типов, регламентирующих функционирование русского фразеологического фонда. Анализ работ отечественных лингвистов позволил нам прийти к выводу, что особенности языковой нормы в сфере фразеологии обусловлены рядом факторов.

1. Объём фразеологии понимается исследователями неодинаково. В этой связи В.Н. Телия [10] отмечает существование двух подходов: а) фразеологии в узком смысле, исследующей фразеологические сращения, единства и сочетания и через них смыкающейся с лексикологией; б) фразеологии в широком смысле, изучающей устойчивые фразы разных структурных типов с различными семиотическими функциями (фрагменты фольклорных и литературных текстов, формулы приветствий и т. п.). Для нашего исследования актуален второй подход, восходящий к трудам В.В. Виноградова.

В рамках выбранного подхода в качестве базового мы принимаем определение фразеологизма, предложенное В.Н. Телией: «Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [9, с. 559]. Приведённая дефиниция позволяет включать в ортологическое поле самые разнообразные по форме, содержанию и функции устойчивые сочетания, некоторые из которых, по нашему мнению, незаслуженно обойдены вниманием специалистов по культуре речи.

К числу таких единиц относятся, например, так называемые грамматические фразеологизмы. Как указывает А.М. Чепасова [12], они не служат обозначением предметов, процессов, признаков, качеств или обстоятельств действия, количества предметов, а указывают на отношения предмета к

Хакимова Елена Мухамедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовой коммуникации, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Elena M. Khakimova, Candidate of Philology, assistant professor, Department of Mass Communication, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

предмету (фразеологические предлоги), на связь между словами, группами слов и целыми предложениями (фразеологические союзы), на уточнение, ограничение смысла определённой словоформы или словосочетания в предложении (модальные фразеологизмы). Особенности функционирования грамматических фразеологизмов обычно не рассматриваются в нормативном аспекте, хотя нуждаются в серьёзном ортологическом осмыслении. По нашим наблюдениям, в ряде случаев языковые единицы данного типа употребляются некорректно: *Как и студенты, так и преподаватели имеют на столько большой список побед, что если мы начнём их перечислять, то данная статья превратится в большой трёхтомник «Войны и мира»*¹ (PR-брейк. 2011. Декабрь. № 15). Используемый вариант фразеологического союза является результатом контаминации двух нормативных единиц – синтаксических фразеологизмов *как... так и* и *как и*, а «контаминированные соединения всегда имеют характер отступления от нормы» [17, с. 73].

2. В основе общепринятой типологии норм лежит их соотносённость с уровнями языковой системы. Автономность фразеологического уровня признают не все исследователи. В частности, Б.С. Шварцкопф [14, 16] указывает, что фразеологические единицы, являясь органическим единством образующих их разноярусных элементов, связаны с различными уровнями языковой иерархии, выступая как поле их взаимодействия. Сложность организации фразеологизмов приводит к тому, что в нормативном плане фразеологические единицы соотносятся с разными ортологическими типами. Так, норма закрепляет за фразеологизмами:

– определённое значение: **Он был под основательным хмельком* (Г. Брянцев)²; фразеологизм *под хмельком* в норме имеет значение ‘немного пьян’, которое вступает в противоречие с семантикой прилагательного *основательный* – ‘большой по размеру, весу и т. п.’;

– обязательную сочетаемость компонентов: **играть главную скрипку* при нормативном *играть первую скрипку*;

– словообразовательную оформленность компонентов: **не заставлял желать лучшего*, нужно – *не оставлял желать лучшего*;

– морфологические характеристики компонентов: **потерпеть фиаску*, правильно – *потерпеть фиаско*;

– определённую синтаксическую структуру: **на последнем издыхании*, нормативно – *при последнем издыхании*; порядок следования компонентов: **Верблюды – пожалуй, не чудо, Прошли – и недолгая вся* (А. Халдеев), правильно – *вся недолга*;

– орфоэпические и акцентологические особенности (*идти под руку*);

– орфографический облик (*ни зги не видать*).

Таким образом, норма фразеологической единицы органически включает в себя параметры функционирования образующих ее разноярусных элементов, выступая как сложная, многоаспектная, комплексная структура.

3. Специфичен характер взаимодействия фразеологической нормы с системой языка. Нам представляется, что он определяется двумя тенденциями.

Как известно, фразеологизмы имеют фиксированный характер: их компоненты не обладают собственным значением, поскольку семантика части подчинена здесь целому, и не реализуют в полной мере синонимических, антонимических, гипо-гиперонимических и т. п. отношений; потенциал сочетаемости элементов внутри фразеологических единиц существенно сокращён по сравнению с единицами свободного употребления; формальные признаки морфологических классов частично или полностью утрачены. Всё это свидетельствует о том, что фразеология – область, в пределах которой регулярная реализация языковой системы принципиально невозможна (ср.: *белые мухи* ‘порхающие снежинки ранней зимы’ и *белая муха*; употребление системно нормативной формы единственного числа приводит к дефразеологизации устойчивого сочетания). Первая ортологическая тенденция как раз обусловлена гиперстабилизирующей функцией фразеологической нормы. Б.С. Шварцкопф пишет, что если назначение нормы вообще состоит в определении характера реализации системных отношений путем накладывания на них ограничений, то функция нормы во фразеологических единицах заключается в сведении реализации системных отношений к минимуму, в ограничении ограничений; отсюда традиционность фразеологических образований. Нормы, связанные с фразеологическими единицами, отличаются от норм свободного употребления тем, что их охранительное назначение как бы возведено в квадрат.

Вторая тенденция актуализируется в тех случаях, когда фразеологическая норма раздвигает рамки парадигматической схемы, расширяя таким образом границы использования системных возможностей. Б.С. Шварцкопф [15], в частности, обращает внимание на то, что если в свободных словосочетаниях употребление единственного и множественного числа позиционно противопос-

¹ В приведённых примерах сохранены все речевые особенности источников.

² Примеры Б.С. Шварцкопфа. Значимо, что источником некоторых из них являются художественные тексты. В указанной функциональной сфере ненормативные употребления представлены двумя типами: 1) ошибками, допущенными вследствие незнания нормы; 2) осознанными отступлениями от языкового стандарта в целях усиления выразительности высказывания. О трансформации фразеологических единиц как средстве языковой игры мы пишем ниже.

тавлено, обусловлено семантикой и контекстом, то в некоторых фразеологических единицах возможна нейтрализация указанных грамматических значений: *ломиться в открытую дверь (двери)*, *ветер свистит в кармане (карманах)*, *волею судьбы (судеб)* и др. Аналогично обстоит дело с категорией рода в выражении *идти на попятный (на попятную)*. Значимо, что такая свобода тоже находится в соответствии с принципами организации фразеологических единиц и освящена фразеологической нормой.

4. Особого обсуждения, на наш взгляд, заслуживает вопрос о вариантности фразеологических единиц и фразеологических норм. Вслед за Н.М. Шанским под вариантами фразеологического оборота мы понимаем его компонентно-грамматические разновидности, тождественные ему по значению и степени семантической слитности [13]. Фразеологические варианты имеют следующие характеристики:

1) стабильность целостного фразеологического значения. Важность данного параметра подчёркивает В.М. Мокиенко: «План содержания должен сохраняться, иначе мы будем иметь дело не с фразеологическими вариантами, а с различными оборотами» [8, с. 26]. Именно поэтому мы не можем принять точку зрения, согласно которой единицы *волчий билет*, *белый билет* и *желтый билет* квалифицируются как компонентные варианты [12, с. 94]. Значения указанных фразеологизмов расходятся: *волчий билет* – документ 1) с отметкой о политической неблагонадёжности, 2) с негативной, компрометирующей характеристикой, ограничивающей социальные возможности его владельца, *белый билет* – ‘свидетельство об освобождении от военной службы’, *желтый билет* – ‘альтернативный паспорт документ жёлтого цвета, дававший право легально заниматься проституцией’;

2) сходство дистрибутивных отношений. Сошлёмся в этой связи на авторитетное мнение В.П. Жукова: «От фразеологизмов (однозначных и многозначных), охваченных явлением вариантности, требуется полная взаимозаменяемость в любых контекстах» [5, с. 23]¹. Вторая характеристика связана с первой: общность дистрибуции обусловлена содержательной эквивалентностью фразеологических вариантов. Именно поэтому невозможно употребление фразеологизмов *волчий билет* и *белый билет* вместо оборота *желтый билет* в романе Достоевского «Преступление и наказание»: *Когда единокордная дочь моя в первый раз по жёлтому билету пошла, и я тоже тогда пошёл... (ибо дочь моя по жёлтому билету живёт-с...) – прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека;*

¹ В целом мы разделяем данную точку зрения, но считаем, что взаимозаменяемость фразеологических вариантов не всегда является абсолютной, она может ограничиваться, например, их стилистической окраской.

3) формальная модификация при некоторой компонентной стабильности. Положение о том, что план выражения фразеологической единицы при варьировании подвергается изменениям, ни у кого не вызывает сомнений. Дифференциация фразеологических вариантов осуществляется с учётом нескольких критериев: а) меняет или не меняет чередование количество компонентов; б) с каким языковым уровнем связан формальный сдвиг; в) какая форма языка – устная или письменная – при этом используется. Принимая во внимание указанные факторы, А.М. Чепасова выделяет восемь типов варьирования: количественное (*соль [соли] земли*), компонентное (*гомерический смех / хохот*), морфемное (*острый язык / язычок*), морфологическое (*сыра / сырая земля*), синтаксическое (*иной мир / мир иной*), фонетическое (*геркулесовы столбы / столпы*), графическое (*и тому подобное / и т. п.*), комбинированное (*генеалогическое / родовое / родословное дерево / древо*). Только в сфере фразеологии встречаются два первых типа: количественное и компонентное варьирование. Это обусловлено конститутивной характеристикой фразеологизмов – их раздельнооформленностью. Значимо, что если существование количественного варьирования признают все исследователи, то относительно компонентного варьирования мнения расходятся. В частности, А.М. Бабкин [2] и А.И. Фёдоров [11] полагают, что в результате компонентной замены возникают не варианты одного и того же фразеологизма, а фразеологические синонимы.

Проблема разграничения фразеологической вариантности и синонимии решается лингвистами по-разному. Е.Е. Иванова предлагает положить в основу дифференциации вариантных и синонимичных фразеологических единиц семантический критерий: «Варианты ФЕ должны иметь **абсолютно тождественное** [выделено нами – Е.Х.] значение. Если варьирующийся компонент привносит во фразеологическую единицу хотя бы одну индивидуальную сему, то, видимо, следует говорить не о вариантах, а о синонимичных ФЕ» [6, с. 115]. Руководствуясь данным положением, автор квалифицирует как фразеологические синонимы единицы *приходить в восторг / приходить в восхищение / приходить в упоение* на том основании, что их значениям присущи некоторые «тонкие различия».

Следует, однако, отметить, что не все учёные признают абсолютное семантическое тождество обязательным условием фразеологической вариантности. Так, Л.П. Гашева [4], анализируя модификации фразеологизма *делать какое-либо лицо / рожу / мину*, обращает внимание на то, что просторечные компоненты *рожа* и *мина* изменяют оценочность значения фразеологической единицы, но рассматривает указанные образования как компонентные варианты, а не фразеологические синонимы.

Об относительности стабильности целостного фразеологического значения пишет и В.М. Мокиенко [8, с. 26]. Проблему разграничения фразеологической вариантности и синонимии он предлагает решить следующим образом: «... для определения фразеологической вариантности необходима опора именно на единство внутренней мотивировки фразеологизма, его образа, скрепляющего лексический состав сочетания и его грамматическую структуру. За пределами такого тождества, или единства, кончается вариант и начинается синоним. Другое необходимое условие фразеологической вариантности – относительная тождественность синтаксической конструкции, в рамках которой происходят лексические замены. Единство образа и синтаксической конструкции формирует фразеологическую серию, характеризующуюся лексической вариантностью» [8, с. 33]. Таким образом, В.М. Мокиенко выделяет два дифференциальных признака. На наш взгляд, первый из них является обязательным, а второй – факультативным. Такой вывод позволяет сделать анализ фразеологических единиц типа *нить Ариадны* и *ариаднина нить*. Наличие общих компонентов обеспечивает здесь единство образа, но о единстве синтаксической конструкции говорить нельзя, поскольку в обороте *нить Ариадны* реализовано управление, а в сочетании *ариаднина нить* согласование. Первое условие соблюдено, а второе нет, тем не менее исследователи рассматривают указанные единицы как варианты фразеологизма [12, с. 96]. С другой стороны, показательны отношения, возникающие между устойчивыми сочетаниями *отбросить коньки* и *склеить ласты*. При тождестве значения отсутствие общих компонентов в рассматриваемых единицах препятствует созданию единого образа, и, несмотря на то, что в их основе лежит одна синтаксическая модель: глагол + существительное в форме В.п., приведённые фразеологизмы являются синонимами, а не вариантами. Нам представляется, что сделанные наблюдения позволяют утверждать следующее: вариантность фразеологической единицы обусловлена не только относительной стабильностью содержания, но и относительной формальной стабильностью, причём обеспечивается последняя а) компонентным сходством фразеологических вариантов и б) соотносённостью их структур с одним ярусом синтаксической подсистемы при отсутствии генетической зависимости.

Мы полагаем, что синтаксическая соотносительность (но не тождество, как считает В.М. Мокиенко) – это критерий, который позволяет различать в сфере фразеологии вариантные и деривационные отношения. По мнению Н.Ф. Алефиренко, фразеологические дериваты возникают тогда, когда «изменения перерастают рамки внутривидовых модификаций фраземы и приобретают статус межвидовых преобразований. Например: *не оторвать глаз от кого, от*

чего ‘что-то или кто-то привлекает к себе сильное внимание’ – *глаза не отрываются от кого, чего* ‘кто-либо не в силах отвлечься от чего-либо’, *открывать глаза кому на кого, на что* ‘выводить кого-либо из заблуждения, делать что-либо понятным, ясным кому-либо’ – *глаза открываются у кого на что* ‘кто-либо, избавившись от заблуждений, узнаёт истинное положение вещей’» [1, с. 19]. Автор не уточняет, какие именно межвидовые преобразования становятся источником фразеологической деривации, но, по-видимому, не случайно приведённые примеры соотносятся с разноярусными синтаксическими единицами – словосочетаниями и предложениями. Подобные преобразования имеют радикальный характер и приводят к изменению фразеологического инварианта. Не всегда, однако, фразеологическая деривация предполагает трансформацию фразеологизмов-словосочетаний в фразеологизмы-предложения: ср. *вступить в брак* и *вступление в брак*. Оба оборота по синтаксической структуре соотносятся со словосочетаниями, но их нельзя рассматривать как варианты, поскольку первая единица является производящей, а вторая – производной. Между процессуальным и предметным фразеологизмами существует генетическая связь и этим они отличаются от рассмотренных выше разноструктурных фразеологических вариантов *нить Ариадны* / *ариаднина нить*.

Осмысливая проблему фразеологических вариантов в нормативном аспекте, лингвисты обращаются к их генезису и доказывают, что ортологические колебания в ряде случаев вызваны аналогией как проявлением давления языковой системы. Проиллюстрируем данный тезис кратким экскурсом в сферу фразеологической акцентологии. Изучив монографию Л.Д. Игнатъевой [7], посвящённую указанной теме, мы пришли к заключению о том, что акцентологическая вариантность фразеологических единиц представлена несколькими типами.

А. Омнимичная компоненту фразеологизма свободная форма в современном русском языке не имеет колебаний ударения. Она не совпадает с исходным акцентологическим вариантом, сохранившимся в составе фразеологизма. Так, Л.Д. Игнатъева отмечает, что в обороте *гУба не дура* ‘о том, кто умеет использовать для себя что-нибудь хорошее, ценное’ фразеологическая норма закрепляет ударение на корне и что такое употребление поддерживается не только традицией, но и стремлением к ритмическому равновесию. Однако опрос студентов, обучающихся на кафедре массовой коммуникации Южно-Уральского государственного университета, свидетельствует о том, что для современного узуса актуален другой вариант – *гУба не дура*, его используют 98 из 100 наших респондентов. Значимо также, что в такой акцентологической форме зафиксирован данный фразеологизм и в работе В.М. Мокиенко [8, с. 117].

Б. Акцентологическая норма современной свободной формы вариантна, один из вариантов совпадает с исходной нормой, а второй нет. Фразеологизм фиксирует исходное употребление. Например, глаголы *кружиться* и *глушить* в форме 3 л. ед. ч. представлен акцентологическими вариантами – *кружИтся* / *кружИтся*, *глушИт* / *глушИт*. Во фразеологическом обороте, по мнению специалистов, сохраняется освящённое нормой окончательное ударение *голова кружИтся* ‘о головокружении’, *глушИт водку* ‘пьёт в большом количестве спиртное’. Наш опрос свидетельствует о том, что носители современного русского языка предпочитают накоренной вариант *голова кружИтся* (83 употребления из 100), *глушИт водку* (94 употребления из 100). Отмеченное акцентологическое колебание поддерживается прецедентными литературными текстами (например, песней «Три вальса» в исполнении К.И. Шульженко: *Ох, как кружИтся голова, Как голова кружИтся*) и соображениями стилистического порядка (можно предположить, что традиционный вариант связывается с книжным стилем, обслуживающим высокую культуру, с которой входит в некоторое противоречие реалья, обозначаемая фразеологизмом *глушить водку*).

В. В современном национальном языке свободная форма представлена акцентологическими вариантами, один из которых принадлежит литературному языку, а другой – разговорной речи. Именно так обстоит дело с падежными формами односложных существительных 3-го склонения. В литературном языке нормативными являются окончательное ударение в П.п. ед. ч. с предлогами *в* и *на*, имеющем значение места, (*в ценИ*, *на ценИ*) и накоренное ударение во всех остальных падежных формах ед. ч. (*с ценИ*). В разговорной речи вследствие выравнивания парадигмы везде используется окончательное ударение (*в ценИ*, *на ценИ*, *с ценИ*). Фразеологическая норма, как обычно, консервирует традицию, признавая правильным акцентологический вариант *как с ценИ сорвался* ‘1) опрометью прибежал; 2) перен. о действиях очень рассерженного человека или об опрометчивых, непродуманных действиях (неодобр.)’. В речи наших информантов доминирует окончательное ударение (91 употребление из 100). Данный акцентологический вариант использован и в фильме Эльдара Рязанова «Служебный роман» («*Меня вчера муха укусила*». – «*Да, я это заметила*». – «*Или я с ценИ сорвался*». – «*Это уже ближе к истине*». – «*Значит, я с ценИ*»), а также представлен у В.М. Мокиенко [8, с. 168].

Г. Весьма любопытен следующий фактор: влияние системы и норм современного русского языка настолько значительно, что устраняет устаревшую акцентологическую форму или создаёт вариантность в группе фразеологических оборотов с определённым компонентом. Так, Л.Д. Игнатова отмечает, что односложное существительное *грош*,

имевшее в древнерусском языке в форме Р.п. ед. ч. накоренное ударение (*грОша*), уже в XVIII веке стало употребляться и с окончательным ударением (*грошА*), то есть у слова появился акцентологический вариант, который вошёл в состав фразеологизмов *ни грошА* ‘совершенно нет денег’, *грошА медного не стоит* ‘ничего не стоит, никуда не годится’, *перебиваться с грошА на копейку* ‘терпеть нужду’. И только в обороте *не было ни грОша, да вдруг алтын* ‘о неожиданной перемене к лучшему’ сохранилось традиционное накоренное ударение. Судя по результатам опроса, узус не соответствует кодифицированной норме: в речи респондентов доминирует вариант *не было ни грошА, да вдруг алтын* (99 употреблений из 100). Нам представляется, что это акцентологическое колебание вызвано воздействием не только свободной формы *грошА*, но и группы вышеприведённых фразеологических единиц с данным компонентом. Таким образом, здесь имеет место двойная аналогия.

Давление системы усиливается при забвении исходной мотивировки фразеологической единицы и искажении образа, лежащего в её основе. В.М. Мокиенко выделяет три способа искажения исходной образности: паронимическую, омонимическую и полисемантическую трансформацию компонентов. Мы полагаем, что с позиций ортологии они неравноценны. Паронимическая трансформация, сущность которой в «притяжении» малоизвестного слова к более известному и в «переключении» семантики на основе формальной трансформации, неизбежно приводит к отступлению от фразеологической нормы (ср. **довести до белого колена* вместо *довести до белого каления* ‘до крайнего раздражения’, **ни сучка ни зазоринки* при нормативном *ни сучка ни задоринки* ‘без помех и неприятностей, очень гладко, хорошо’). Впрочем, иногда со временем паронимическая трансформация закрепляется в языке, и модифицированный вариант по прошествии определённого времени становится нормативным (*с копыт долой* ‘умер’ ← *с копыльев долой*, *сажать в калошу* ‘ставить в неловкое, смешное положение’ ← *сажать в калужу*). Это, по мнению В.М. Мокиенко, вполне допустимо, если новый образ удачно обновляет экспрессивность выражения.

Что касается омонимических трансформаций – процесса искажения исходного образа на базе омонимии, то здесь возникает парадоксальная ситуация: ремотивация не влечёт за собой колебаний нормы, поскольку при модернизации мотивировки и традиционное значение фразеологизма, и его первоначальная форма сохраняются. Например, корректно воспроизведённый оборот *наговорить сорок бочек арестантов* может употребляться в закреплённом нормой значении ‘нарассказать небылиц’ даже в том случае, если говорящий считает, что речь в данном выражении идёт о заключённых, а не о мелкой сушёной рыбе, с которой непосредственно связана логика исходного образа

– «нарассказать небылиц о якобы огромном улове». Тот же результат даёт и полисемантическая трансформация, когда современное значение фразеологического компонента вытесняет исходное, вследствие чего возникают новые ассоциации, порождающие новый, «более или менее правдоподобный фразеологический миф» [8, с. 180]. Данное положение В.М. Мокиенко подтверждает реконструкцией первоначального образа фразеологизма *вешать собак на кого-либо* 'неосновательно возводить обвинения': компонент *собака* в рассматриваемой фразеологической единице, вероятно, изначально имел значение 'репейник, который вешался на одежду врага с целью заговора'. Приведённая трактовка, разумеется, весьма отличается от образа, возникающего у носителей современного русского языка, но на фразеологической норме это совершенно не отражается.

Рассматривая вопрос об изменении мотивировки фразеологической единицы в ортологическом аспекте, нельзя обойти вниманием процесс импликация оборотов, следствием которого является энантиосемия – проявление у одной языковой единицы «противоположного значения (иногда вытесняющего первоначальное, иногда сосуществующего с ним)» [18, с. 208]. По мнению М.М. Вознесенской [3], фразеологические единицы приспособлены к развитию энантиосемии в силу специфической природы своей знаковой функции: являясь результатом вторичной номинации, основанной на различных переосмыслениях внутренней формы, они характеризуются такими особенностями значения, как ситуативность, диффузность, экспрессивная окрашенность. В статье анализируются различные типы энантиосемии, наиболее характерные для русской фразеологии. В связи с ортологической направленностью нашего исследования мы обратимся к пословицам, вторая часть которых указывает на неожиданное следствие, пояснение, как бы аннулируя то, что сказано в первой части: *Кто старое помянет, тому глаз вон, [а кто забудет, тому два]; Против лома нет приёма, [окромя другого лома]; Ума палата, [да разума молотовато]; Рыбак рыбака видит издалека, [поэтому стороной и обходит]; Бедность не порок, [а вдвое хуже]* и др. Обычно подобные образования употребляются в имплицитной форме. Их полная версия известна носителям языка далеко не всегда. М.М. Вознесенская указывает, что при утрате парадоксальной мотивации за оставшейся частью закрепляется значение, основанное на стандартных причинно-следственных связях. Для ортологии значимо, что оно диаметрально противоположно тому, которое соответствовало первоначальной фразеологической норме.

С вариантностью фразеологизмов непосредственно связана проблема границ нормы в сфере фразеологии. Б.С. Шварцкопф [14] в этой связи выделяет ряд возможностей:

1) фразеологическая единица не обладает ва-

риантностью – тогда вопрос о её нормативности решается в зависимости от того, к какой форме гетерогенного национального языка она принадлежит: а) если фразеологизм входит в состав литературного языка, то он нормативен; б) если существует в рамках диалектов, жаргонов, просторечия, то находится за пределами нормы. Исходя из логики исследователя, фразеологизм *почить в бозе* следует признать нормативным, а *дать дуба* – нет, но и в том и в другом случае граница фразеологической нормы является внешней, она проходит между разными фразеологическими единицами – свойственными и несвойственными литературному употреблению. Данное положение мы не можем принять безоговорочно, потому что литературное употребление характеризуется многофункциональностью, и языковые средства, неуместные в научных или деловых текстах, могут быть вполне приемлемыми, например, в публицистических высказываниях. По нашему мнению, вопрос о допустимости использования фразеологических диалектизмов, жаргонизмов, просторечий решается не столько фразеологической, сколько стилистической и коммуникативной нормами;

2) фразеологическая единица обладает вариантностью – в этом случае отношения между границами фразеологизма и границами его нормы могут складываться двояко: а) совпадать (*глядеть в оба / смотреть в оба*); б) расходиться (*падать духом / опадать духом*). Значимо, что при расхождении фразеологическая единица всегда шире нормы, ортологическая граница проходит внутри фразеологизма, между его нормативным и ненормативным вариантами, причём не всегда является очевидной. В этой связи возникает вопрос о принципах ортологической квалификации фразеологических образований.

Б.С. Шварцкопф выделяет следующие критерии фразеологической нормативности: а) общераспространённость; б) заданность структурными и семантическими свойствами фразеологической единицы; в) узаконенность варианта литературным употреблением. Исследователь указывает: «При кодификации ФЕ как литературной (например, в словарях) предполагается наличие всех трёх признаков (можно сказать, что они выступают как последовательные этапы испытания варианта ФЕ на литературную нормированность» [14, с. 172]. Разделяя в целом данную точку зрения, мы хотели бы обратить внимание на следующий момент: на практике кодификатор не всегда имеет возможность учесть все три критерия, поскольку в некоторых случаях они вступают в противоречие друг с другом. Так, узальность может расходиться с литературным употреблением, если последнее ретроспективно, ориентировано на дистанцированную от носителей языка культурную традицию (см. *зУба / зУБА не дура*). С другой стороны, с целью усиления экспрессивности общеупотребительные варианты фразеологизмов под-

вергаются осознанной трансформации в художественном творчестве (Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»: *Коль любовь и вправду зла, Дак полюбишь и посла, А попутно мне поправишь И торговые дела; А коварного стрельца Сей же час стереть с лица, Чтобы он не отиралси Возле нашего крыльца!*), в журналистском дискурсе (ср. заголовки публикаций в газете «Аргументы и факты»: *Лес «твердых рук»*. 2010. № 38; *ГОС в помощь*. 2010. № 41; *Карман шире*. 2011. № 15 и др.¹), в рекламной коммуникации (*С нами даже крупные неприятности превратятся в сущий пустяк: мы сделаем из слона муху. Альфа-страхование. Простое решение*) и других сферах функционирования языка. Указанные процессы являются объективными, они отражаются на структуре и семантике фразеологических единиц, обеспечивая динамику фразеологического фонда и фразеологической нормы как в синхронии, так и в диахронии.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. О соотношении формообразовательных и деривационных связей фразеологических единиц / Н.Ф. Алефиренко // *Проблема тождества фразеологических единиц*. – Челябинск, 1990. – С. 11–20.
2. Бабкин, А.М. *Русская фразеология, её развитие и источники* / А.М. Бабкин. – Л., 1970.
3. Вознесенская, М.М. Энантиосемия в русской фразеологии / М.М. Вознесенская. – <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/pdf/66.pdf>
4. Гашева, Л.П. Языковые условия сохранения / нарушения семантического тождества процессуальных фразеологизмов / Л.П. Гашева // *Проблема тождества фразеологических единиц*. – Челябинск, 1990. – С. 64–73.
5. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978.
6. Иванова, Е.Е. Вариантность и синонимия процессуальных фразеологизмов с компонентами *идти* – *ходить* и их производными в их отношении к проблеме тождества / Е.Е. Иванова // *Проблема тождества фразеологических единиц*. – Челябинск, 1990. – С. 113–119.
7. Игнатъева, Л.Д. Фразеологизмы в звучащей речи / Л.Д. Игнатъева. – Челябинск, ЧГАКИ, 2001. – 207 с.
8. Мокиенко, В.М. *Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.»* / В.М. Мокиенко. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989.
9. Телия, В.Н. Фразеологизм / В.Н. Телия // *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 559–560.
10. Телия, В.Н. Фразеология / В.Н. Телия // *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 560–561.
11. Фёдоров, А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. / А.И. Фёдоров. – Новосибирск, 1973.
12. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
13. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1985.
14. Шварцкопф, Б.С. Единицы фразеологического состава языка и норма / Б.С. Шварцкопф // *Актуальные проблемы культуры речи*. – М.: Наука, 1970. – С. 153–178.
15. Шварцкопф, Б.С. Морфологическая норма фразеологической единицы и вариантность / Б.С. Шварцкопф // *Литературная норма в лексике и фразеологии*. – М.: Наука, 1983. – С. 158–173.
16. Шварцкопф, Б.С. Фразеологические единицы в отношении к языковой норме / Б.С. Шварцкопф // *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе*. – Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1967. – С. 50–57.
17. Шведова, Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе / Н.Ю. Шведова. – М., 1966.
18. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977.

Поступила в редакцию 27 ноября 2012 г.

¹ Примеры взяты из курсовой работы студентки факультета журналистики Южно-Уральского государственного университета К. Клепининой.